

Десять листочков из тетрадки моей мамы.

Автор: Гунько Светлана Ивановна
Волгоградская область, город Котово
почта: Dysha27@yandex.ru

Героиня рассказа - моя мама Зайвая Евдокия Васильевна и её записки реальные страницы из жизни. Несмотря на тяжесть испытаний, которые выпали на долю моей мамы, она не переставала надеяться на мирную жизнь: страстно хотела получить образование и жить счастливо под мирным небом в своей семье, на своей Родине. Интересно было слушать маму, пытаясь понять, о чём она думала, почему поступала так, а не иначе. И я очень рада, что смогла в своё время расспросить её о жизни, записать на магнитофон её взволнованный голос с рассказом о военном времени. Моя мама дожила до 95 лет и рассказывала о своей трудной жизни свои внукам Михаилу и Анатолию и правнуку Мironу. И надеюсь, что они будут помнить о ней и гордиться своей бабушкой Дусей.

Зайвая Евдокия Васильевна

В 1938 году я закончила семилетнюю школу в селе Орехово Даниловского района Сталинградской области. Колхоз выделял школьникам телегу, а

поскольку моя мама не была колхозницей, то я ,маленькая, бежала, держась за телегу. Остальные дети сидели, свесив ноги и смеялись. Часто ходили пешком, это семь километров туда и семь обратно. Заканчиваются занятия, и пошли мы стайкой домой, иногда машина какая-нибудь подвозила. А потом отец купил мне велосипед, и я ,довольная, могла быстрее добраться до школы. В восьмой класс пошла учиться в школу в станице Островская. Шла одна. Никто больше из моих Прыдковских девчонок не согласился учиться дальше. Помню, весной было холодно, я была в валенках , а мост через реку Медведицу залило водой. Перебрела по воде и вся мокрая вернулась в село Орехово. Там меня приютила моя тетка и посушила на печке. В начале 1941 года к нам в школу приходили учителя и рассказывали об учебе в Михайловском педучилище. Говорили:

«Закончите десять классов, а образования у вас не будет, а закончите педучилище - будете с профессией» .

Тогда я своей головой подумала:

«Буду поступать» .

А еще в районной газете прочитала, что в Михайловском педучилище не удаётся набрать учеников. Но настроение у всех было тревожное, и 22 июня по радио объявили :

«Война».

В октябре 1941года моего отца Василия Мироновича забрали на фронт. В январе 1942 года занятия в школе отменили, и всех нас, сельских школьников, отправили рыть противотанковые окопы вдоль реки Медведица за станицей Островская. Девчата и хлопцы по пятнадцать-шестнадцать лет долбили ломами и кирками стылую землю, а парни еще сооружали из бревен дзоты. Разгоряченные тяжелой работой, ребята пили воду из проруби. Многие тогда заболели воспалением легких и умирали. После недели работ у меня поднялась высокая температура, заложило горло, ломило все тело и болела голова. Я думала, что помру, но военные врачи, которые жили в нашем доме, помогли . У них были лекарства, и я постепенно выздоровела. Моя мама пекла лепешки в русской печи, варила постный борщ с зажаркой. У нас была корова,

и мы пили молочко и делали масло. Военная часть стояла тогда возле хутора Прыдки. Мы рыли окопы до февраля 1942 года. А в мае 1942 года ребят из хутора Прыдки и села Орехово послали рыть окопы в хутор Тарасов и село Бурлук. В начале июля 1942 года пришла родителям повестка:

«Собратся школьникам с продуктами и вещами к мостику хутора».

Родители ревут, думая, что детей забирают на фронт. Дети тоже плачут, расставаясь с родными. Всего оповестили из хутора человек пятнадцать школьников, половина из них -девчата. Мы с подругой Тайкой пришли к нам домой. Я говорю маме:

«Мама! Собирай продукты, завтра поедем под Сталинград рыть окопы!»

«Ох ты, горе!- мама всплеснула руками, но бросилась замешивать тесто из кукурузной муки.- Ну шо ще покласты?»

Она закружилась по кухне: «Ось -сала шматок, маслице, меду, визьми».

«А шо ж ты не збираешься?» - спросила мама Тайку.

«Да нам и нечего складывать, Анисья Федоровна», - Тайка опустила голову.

«Вийзьми ось коржив кукурузных, хвате на двоих, може и Совет подсобит», - вздохнула Анисья .

Мама моя маленькая, в беленьком платочке, собрала все продукты в полотняную сумку. Прыдковский сельский совет выделил подводы и пару лошадей. Сопровождающим назначили Дорощенко Федора Ивановича, который вернулся с фронта без руки. Зарезали овцу на пропитание и погрузили котомки с продуктами на телегу. Со мной были мои прыдковские девчата: Фисенко Мария, Наумова Мария, Приходько Таисия, Еремеева Прасковья. Маршрут дали только сопровождающему, а нам не говорили, куда едем. Помню только проехали село Раздоры. Хлопцы и девчата шли пешком, изредка те, кто сильно уставал, присаживались на телегу. Ночевали в поле, сначала в стоге сена, потом в брошенном свинарнике. Когда стали подходить ближе к Сталинграду услышали гул и увидели яркие вспышки. Будто майская гроза вдали, но сердце замирало от страха. Жара стояла в июле 1942 года. Туша овцы начала портиться ,и когда пришли в хутор Верхние Липки, то и черви поползли.

Но мясо варили и делали похлебку, и никто не отравился. К месту назначения стали подходить еще хлопцы и девчата из других сел, так нас собралось человек пятьдесят. Принял отряд школьный военный человек, он же определил для нас место, где мы будем ночевать, выдал нам лопаты и рассказал, чем мы будем заниматься. Нас разместили в сараях, где раньше стояли коровы, спали мы на соломе. С раннего утра до позднего вечера мы рыли окопы и даже во время бомбежек. Окопы были глубокие: два метра глубиной, один метр шириной. Окружающая местность была ровной, ни лесочка. На западе, в районе Сталинграда, виднелось красное зарево. Самолеты летали низко, и было видно кресты на крыльях. Рядом с нами была железнодорожная станция Липки и элеватор. Ночью прилетели бомбардировщики и бомбили. Элеватор загорелся, было трудно дышать, и все кашляли. Долго еще в воздухе стоял удушливый запах горелого зерна. На второй день опять прилетели самолеты, гул был страшный, закладывало уши, а потом посыпались бомбы прямо на нас. К счастью, никто в этот день не пострадал. Мне показалось, что я видела, как немецкий летчик смотрит на нас и смеется. Ночью все небо, словно звёздами, было заполнено самолетами. Станция Липки была разбита, сгорело стадо овец. У подружки Тайки была зашита в кофту молитва «живая помощь», а я в последний момент переписала молитву и тоже зашила в карман. Бомбили в основном вечером. Из наших земляков погибли две девчонки из села Лобойково. Через два дня приехали их матери, причитая в голос. Девчонок погрузили на телегу и увезли. Мы тоже плакали и, ложась спать, нащупывая листочки с молитвой, шептали:

«Прибежище мое и защита моя-Бог мой, на которого я уповаю! Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен щит и ограждение -истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень».

Военные приезжали каждый день и учили нас копать специальные окопы сложной конструкции. Мы не знали, для чего такие сооружения, но копали, как

нам говорили. Так прошло два месяца, и в конце августа мне пришли мысли об учебе. Нет, я уже не думала о смерти, мне хотелось ещё жить и учиться, ведь скоро сентябрь.

«Тайка, что делать будем? Скоро учеба начнется, нужно в педучилище поступать, - шептала я Тайке.- Давай сбегать?»

Ну, куда бежать девочкам одним? Митька, шестнадцатилетний хлопец из нашего хутора, услышав наш шепот, понял, что мы задумали.

«Я с вами. Дорогу знаю. Со мной не пропадёте», - твердо сказал он.

Митька отметил, что бежать лучше ночью, чтобы никто не видел.

«За деревней Верхние Липки - город Фролово, а там прямой путь до рабочего посёлка Даниловки», - убеждал он нас.

Впоследствии мы узнали, что через два дня после нашего побега, двадцать пятого августа, отпустили всех подростков по домам. Ночью наша отчаянная троица тихо вышла из сарая. Сначала мы бежали, спотыкаясь о земляные комья и обгоревшие бревна, потом успокоились, пошли шагом, не оглядываясь, и к рассвету разглядели дорогу. А утром, к счастью, нас «подобрала» военная машина и довезла до хутора Дорожкин, а там мы перешли вброд реку Медведица, и пришли в хутор Прыдки. Я, как чувствовала, что нужно быстрее попасть домой. Мама моя лежала в горячке, заболела туляремией, мышинной лихорадкой. Почему-то все кошки передохли, и хутор заполонили крысы-переносчики инфекции. Целую неделю у мамы держалась высокая температура, она металась в бреду. Не узнавала меня, еле выжила. Сначала мы лечили её своими средствами, в рабочем посёлке Даниловка был врач. А на чём ехать? Я отваривала полынь, поила настоями из трав. Опять же выручили военные врачи, давали какие-то лекарства. Наш дом был большим и чистым, поэтому в просторной горнице разместились командиры военной части и раненые бойцы лежали рядом. Из всех военных, которые жили в нашем доме, я запомнила добродушного капитана Ахмета - татарина. Он очень переживал за маму и доставал ей не только лекарства, но и продукты. Когда в июле 1942 года линия фронта приблизилась к Сталинграду, Михайловское педучилище перевели в

село Лобойково, в здание школы. Поэтому я решила отнести документы в училище. Идти всё ближе это километров десять. Документы у меня приняли и сказали, что с десятого класса принимают на второй курс без экзаменов и меня зачислят, но проведут собеседование. Я вернулась в хутор и неделю жила дома, поскольку мама еще была слабой и не вставала. Мне нужно было управляться с хозяйством, доить корову, ухаживать за больной мамой. Через неделю я пошла опять в Лобойково. А навстречу весело шли девчата из станицы Островской и заговорили хором:

«Ой! Дуська, нам в этом училище не учиться. Учителей много, науки сложные, якысь-то педагогики непонятны, вертайся Дуська!»

Но я решила идти дальше, а навстречу шла моя тётя Ирина из Лобойково:

«Ты шо, умнее всех?»

И я вернулась с ними назад. Через неделю маме стало лучше. Она начала выздоравливать и сказала:

«Не слухай никого, Дуся - иды вчися».

А меня тут обида взяла:

«Неужели думаю, мы такие все глупые?»

А те девчонки из станицы Островская вернулись в училище. Я снова пошла в село Лобойково. Зашла в класс, нашла место, села за стол. Сижу, а руки стали, как лёд и дрожат. Стали выкрикивать фамилии:

«Таможникова здесь?»

«Да», - ответила я и поняла, что меня не исключили.

Так, пока шла война, я продолжала учебу. В октябре за парты сели сто тридцать семь студентов педучилища. Сначала я жила у дальних родственников. На субботу и воскресенье приходила домой. В воскресенье мама готовила мне мешок, в который складывала продукты. У нас была своя корова, поэтому мама наливала молоко в бутылку, в банки масло и творог, пекла хлеб. Родственницу звали Груня, у неё был сын лет тринадцати, Лёнька. Я сама себе готовила, ела свои продукты, но стала замечать, что кто-то ворует у меня: то сало отрежет, то картошки меньше станет в мешке. А ещё Лёнька умудрялся ябедничать своей

матери, говорил, что я с борща весь жирок собираю, а ему постный достается. Такой был поганец! Однажды я пришла домой пораньше и увидела, что Лёнька роется в моём мешке. После этого я съехала на квартиру к другим людям. В феврале 1943 года был освобожден Сталинград, и педучилище снова вернулось в город Михайловку. Остались учиться только трое девчат из Даниловского района, которые упорно продолжали образование. В Михайловке мы с Тонькой снимали квартиру, а на каникулы ездили домой. Добирались кто как мог. Куда деваться? А это сто километров туда идти. Выходили из Михайловки вечером, часов в шесть и шли до ночи, а на ночь просились ночевать в селе. Так месяц жили, но если бы паёк в училище не давали-то разбежались бы все ученики. Каждый день нам давали четыреста грамм хлеба и два раза кормили похлёбкой и даже платили деньги. А хлеб стоил на базаре сто руб за один килограмм. Я собрала хлеб и купила маме красивые туфли. Она говорила, что никогда не носила таких туфелек вспоминает об этом до сих пор. Домой я приходила, чтобы набрать продукты и проведать маму. Праздники соблюдались, на октябрьские отпускали на три дня. Мы собирались втроем и шли домой, у кого луковица, у кого хлеб. Хлеб был не из чистого зерна, а из кукурузы, еще какие-то злаки добавляли, мешанка. Но такой вкусный был этот хлеб! На базаре продавали поджаренную тыкву небольшими ломтиками. Тоже было вкусно. Одна женщина продавала котлеты. Её муж работал в колбасном цехе и котлеты дорого стоили. Маленькие котлеточки, но она давала мне бесплатно. У неё был сын и она меня метила невестой для сына. У нас с мамой в Прыдках во время войны было хозяйство. Мы сажали кукурузу, картошка была своя. Была одна проблема: тяжело было продукты самой нести, довезти было не с кем. Один раз я решила поехать на велосипеде, думала, будет легче добираться. Но тут начался дождь и грязь, еле «дотянула» до села Плотниково. Там бросила велосипед у чужих людей. Они меня и накормили, и напоили, а на обратном пути я велосипед забрала. В те послевоенные годы я даже не задумывалась о том, что кто-то не пустит меня переночевать и не накормит. Добрых и отзывчивых людей тогда было много. Но почему-то запомнилось грустное.

Учиться было тяжело, хотелось домой. На занятиях слипались глаза, так хотелось спать. Но вот наступило время практики, и я попросилась работать в село Орехово. Я купила себе тапочки за сорок рублей, а тут как раз пошел дождь. Тапочки мои расплзлись, подруги дали мне калоши, но по дороге из Михайловки я натерла ноги до пузырей, пузыри полопались и вот с забинтованными ногами я пришла в Ореховскую школу. Такая вот учительница! Работала я с удовольствием, хотя учительница, у которой я проходила стажировку, была вредная, нагружала меня тетрадками, и я каждый день носила их домой в хутор Прыдки. В 1944 году я закончила педучилище и была назначена учителем в хутор Прыдки, где меня стали величать Евдокия Васильевна. Некоторые ученики были моими ровесниками и даже старше меня, но они хотели научиться грамоте, понимали, что наступает время грамотных людей. Мы зажили хорошо, деньги за работу платили регулярно. В конце 1944 года меня направили на курсы военруков под Михайловку. Там мы жили в палатках, изучали винтовку, военные нам читали лекции. И в хутор Прыдки я вернулась заведующей школой и военруком.

Мой 1 класс

В августе 1945 года меня направили на курсы заведующих школами в город Камышин. Удивительно, но в то время в магазинах Камышина были продукты:

масло, колбаса, молоко, хлеб и овощи. В мае мы всей школой радовались Победе, но кто-то плакал по погибшим родным. В хутор стали возвращаться отцы и братья. Их было очень мало. Многие женщины хутора остались вдовами, им было тяжело выживать. В ноябре месяце пришёл отец. Это была необыкновенная радость для всех! Отец сразу устроился на работу дорожным мастером в Даниловке. Еще до войны он окончил строительное училище в Астрахани. И стали мы получать деньги и пайки.

В 1947 году я вышла замуж за военного врача Зайвого Ивана Ефимовича, и мы переехали в хутор Каменный, где я работала заведующей школы, а муж был главным врачом в больнице. В 1949 году у меня родилась дочь Светлана. Когда Светочка подросла, я рассказала ей о трудных военных и послевоенных временах в моей жизни. Как же я была рада, что мои воспоминания интересны дочери. Значит, история нашей семьи не затеряется, не забудется.